

Жизнь под обрез

ПОВЕСТЬ

Ата — злой дух раздора и проклятия, который, ослепляя разум и сердца людей, заставляет их совершать безрассудства и преступления.

Ата в переводе с древнегреческого языка — «преступление, несчастье, ослепление, беда».

Пролог

— Ну и где ты была? — Голос мужчины не просто выражал недовольство — он таил в себе угрозу. — Ты понимаешь, что ты наделала? Я всю ночь волновался. Звонил тебе. Хотел уже бежать в полицию.

Казалось, каждая клеточка во всем его теле дышала гневом. Он наотмашь ударил женщину по лицу. Из ее носа потекла кровь, но женщина лишь вытерла ее тыльной стороной ладони и, испуганно посмотрев на мужа, тихо сказала:

— Зачем ты так? Ты ведь ничего не знаешь.

— Не знаю, — согласился мужчина. — Вот ты мне и расскажи. Только если начнешь врать, то я сразу об этом узнаю. Ты же знаешь, что я тебя насквозь вижу. Знаешь?

— Знаю... — Молчание, потом судорожный всхлип, и слезы побежали по щекам черными потеками туши.

Мужчина, увидев слезы, приподнял бровь, словно бы удивившись этой ее реакции, а потом черты его лица разгладились, и в глазах появилось нечто похожее на вину.

— Пойдем, ты все мне расскажешь. — Он взял ее за руку и повел в спальню.

Он усадил жену на кровать, а сам сел рядом на небольшую оттоманку.

— Успокойся, — почти ласково сказал он и протянул ей салфетку, которую достал из коробки, стоящей на прикроватной тумбочке.

Женщина старательно вытерла слезы и кровь, все еще шедшую из носа, и судорожно вздохнула.

— Меня изнасиловали, — тихо сказала она и, испуганно посмотрев на мужа, сжалась, словно ожидая, что он снова ударит ее.

Он молчал и только пристально смотрел на нее. Молчание затягивалось, и женщина снова расплакалась.

— Как это? — наконец прервал молчание мужчина. На этот раз голос его звучал растерянно, как у маленького ребенка.

Женщина не ответила и спрятала лицо в ладони, словно стыдясь своего признания. Плечи ее тряслись от сдерживаемых рыданий.

Муж притянул жену к себе, крепко прижал к груди ее голову и успокаивающе стал гладить по растрепанным волосам. Он любил ее волосы... Любил ее всю — от кончиков пальцев ног до самой макушки. Он зарылся лицом в ее волосах, вдохнул ее запах и отпрянул. Запах был чужой. Пахло потом, какими-то вонючими сигаретами и еще чем-то неприятным и сладковато-кислым.

— Расскажи мне все.

Он отстранился от жены, встал и начал нервно ходить по комнате. Три шага в одну сторону — разворот, три шага обратно — опять разворот. Вместо ответа женщина начала раздеваться, а когда разделась донага, мужчина невольно встал и залюбовался ею. Ее тело было сродни телу богини. Оно было настолько красиво, что мужчина даже на мгновение забыл, какие откровения он должен был услышать от жены. Он невольно, на уровне какого-то животного инстинкта, протянул руку и пальцами коснулся шеи жены. Та вдруг испуганно посмотрела на него и отшатнулась. Мужчина нахмурился.

— Говори, — приказал он, и его тон ясно давал ей понять, что он не потерпит никаких возражений и требует от нее полного отчета.

И она рассказала ему все, как было. Гнев застлал ему глаза, и он мысленно поклялся себе, что отомстит за поруганную честь жены.

1

Бабье лето было, пожалуй, самым любимым временем года оперуполномоченного уголовного розыска полковника Льва Ивановича Гурова. Яркие краски осени, последние теплые и солнечные дни, синие, словно вымытые ангелами, небеса — все это настраивало на романтический лад. Хотелось слушать красивую музыку, бродить по парку и шуршать листвой, кормить белок и любоваться астрами и хризантемами. Но... Работа, как и всегда, не позволяла ему расслабиться.

Вот и сегодня Лев Иванович входил в Главное управление Министерства внутренних дел по России, где он служил уже почти тридцать лет, с чувством тревоги и ожидания. В руках он нес подарок для секретарши своего начальника — Верочки, у которой накануне, в воскресенье, был день рождения.

Подарок для Верочки выбирала Мария — жена Льва Ивановича — красавица и ведущая актриса одного из столичных театров. Мария давно уже не просто смирилась с довольно опасной профессией мужа, но и приняла ее как неизбежное. Она знала практически всех его сослуживцев. А с напарником Гурова Станиславом Крячко и его супругой Натальей они много лет дружили семьями. Нередко к их компании примыкал и непосредственный начальник Гурова и Крячко — генерал Орлов Петр Николаевич.

Верочка уже много лет была незаменимой помощницей начальника Главка и выполняла свою работу настолько хорошо, что Петр Николаевич ни за что не желал с нею расставаться. Любили и уважали Верочку и все остальные со-

трудники главного управления. Верочка была симпатичной, скромной и улыбчивой, ей несколько раз делали предложения руки и сердца, но она всем отказывала. И причиной отказов был Лев Иванович, к которому Верочка была неравнодушна и в которого была втайне влюблена все эти годы. Хотя тайна эта была очень даже явной, никто в отделе вслух об этом не говорил из уважения к Верочке.

Мария, конечно же, тоже знала о тайной страсти Верочки и была к ней снисходительна, приветлива и внимательна. Именно она всякий раз напоминала мужу, когда у Верочки день рождения, и сама подбирала для нее подарок. И как ни было это удивительно для Льва Ивановича — всегда угадывала. Всякий раз, когда Гуров вручал секретарше Орлова подарок и говорил Верочке что-то приятное, как и положено говорить в таких случаях, она краснела, смущалась, а распаковывая подарок, смущалась еще больше. Но Лев Иванович при этом всегда замечал, каким восторгом загорались Верочкины глаза, когда она доставала из подарочной сумочки очередной презент.

Сегодня в приемной Орлова было не протолкнуться. До начала оперативки оставались считанные минуты, и все спешили поздравить Верочку, похвалить ее прическу, новый наряд и, конечно же, ее качества как секретарши, а также пожелать ей всех благ, здоровья и хорошего мужа. Она всем одинаково мило улыбалась, всех благодарила и при этом успевала отшучиваться и говорить, что не нужен ей никакой муж, что она замужем за работой и прочие банальности.

Но едва Гуров вошел в приемную, как народ начал быстро рассасываться. Одни входили в кабинет Орлова, другие, наоборот, спешили покинуть приемную. При этом все многозначительно посматривали то на Гурова, то на Верочку. Хотя на что тут было посматривать? Все прекрасно знали, что служебным романом тут и не пахнет, но сам факт интриговал, цеплял и подразумевал некую таинственность и загадку. А, как известно, оперативники и загадки — это два понятия, очень даже близкие друг другу.

— Вот, это от нас с Машей, — Лев Иванович с улыбкой протянул Вере подарок.

Та приняла коробку, вспыхнула румянцем смущения и стала тут же вскрывать ее. В коробке оказался тонкий и нежный кашемировый палантин цвета «нежная мята», который идеально подходил к глазам Верочки. Та ахнула и еще больше застеснялась такого дорогого подарка. Но она не стала отнекиваться, говорить всякие глупости вроде «да зачем было так тратиться» или «ах, как мило, но не стоило беспокоиться»...

— У вашей жены великолепный вкус, — поблагодарив Гурова, добавила спокойно Вера. — Ей нужно было в свое время идти не в актрисы, а в модельный бизнес. С ее данными и умением так тонко чувствовать моду она имела бы успех у столичных кутюрье.

— Нет-нет, Верочка. Маша прекрасно смотрится и на сцене, — рассмеялся Лев Иванович. — Так же хорошо, как и вы на месте помощницы Петра Николаевича. Я просто не представляю никого другого на вашем месте. И надеюсь, что еще долго буду любоваться вашим профилем за этим вот столом, — Гуров жестом указал на стол секретарши, весь заставленный цветами и заваленный коробками с подарками.

— Лев Иванович, ты идешь? — из кабинета Орлова выглянул Крячко. — Петр велел тебя позвать и сказать заодно, чтобы ты не приставал к его секретарше, — пошутил Станислав и подмигнул Верочке.

— Вот так всегда — стоит только начать получать удовольствие от комплиментов, как кавалера уводят, — улыбнулась та шутке Крячко и, артистически закатив глазки, вздохнула и с грустью посмотрела на Гурова.

Лев Иванович галантно поцеловал Верочке руку и направился за Станиславом в кабинет.

— Так вот... — Орлов сделал паузу, чуть насмешливо глянул на Крячко и Гурова и продолжил: — На этой неделе всем нужно сдать подробный отчет по всем делам за квартал. И никаких отмазок я принимать не буду. Мне самому к пятнадцатому нужно будет отчитаться перед министром. Так что... Всем все понятно?

— Отчет писать и по тем делам, что не закончили? — спросил кто-то.

— Обязательно. И как можно подробнее. Особенно это касается резонансных дел, которые в приоритете у Следственного комитета. Кстати, о резонансных делах, — Орлов из-под густых бровей осмотрел своих подчиненных и остановил взгляд на Льве Ивановиче. — Вчера мне прислали срочный запрос с просьбой направить толкового оперативника в Шараповск. Позавчера вечером в своем кабинете был найден убитым директор местного ликероводочного завода. Подробности рассказывать не буду. Тот, кто туда поедет, сам все подробности и узнает.

Орлов опустил глаза и посмотрел на свои руки, в которых он держал очки. Очки он нацепил на нос и уже через них внимательно посмотрел на оперативников.

— Кто поедет?

В ответ — тишина и покашливания.

— А тот, кто поедет, отчет может сдать позже? — прищурившись, спросил Крячко.

— Нет, — усмехнувшись, ответил Орлов и прищурился в ответ. — Отчет он сдаст мне сегодня, до того как уедет. А быть ему в Шараповске нужно не позднее пяти вечера.

— Так не успеет... — начал было оправдываться Крячко.

— Не успеет, — согласился Орлов, перебив его. — Поэтому, Станислав Васильевич, тебе придется писать отчеты за двоих. А Лев Иванович может отправляться в командировку прямо сейчас, как только выйдет из этого кабинета.

Орлов посмотрел на Гурова категоричным взглядом, и Лев Иванович понял, что генерал давно уже решил, что поедет в Шараповск именно он, Гуров, и никто другой. А поэтому возражать не стал, а только вздохнул и, опустив глаза, спросил:

— С женой-то хоть попрощаться можно?

Шутку Гурова поняли, и в ответ раздался смех. Смеялись все, облегченно выдохнув, потому что чаша сия обошла их — неожиданные командировки в отделе никто не любил. А тем более — срочные.

— Успеешь и попрощаться, — усмехнувшись, ответил Петр Николаевич. — Задержись, я тебе растолкую, что и как. Остальные свободны, — махнул он рукой, и опера на-

чали расходиться, вполголоса обсуждая свои служебные дела и будущие отчеты.

Станислав тоже было задержался. Хотел попроситься ехать вместе с Гуровым (кто же из оперативников предпочтет написание отчета работе «на земле?»), но Орлов был категоричен — ехать в Шараповск Лев Иванович должен был один.

2

В Шараповск Гуров прибыл уже в три часа дня. У местного управления его встретил средних лет улыбчивый оперативник, который представился Гурову как капитан Тамир Улямов. Был он невысок, но широк в плечах, подтянут и одет в форму, но отчего-то на ногах носил не ботинки, а кроссовки. Увидев, что от Льва Ивановича не ускользнула эта занимательная деталь, смутился и объяснил:

— Ортопедическая необходимость. Ноги у меня ботинки не переносят. Приходится носить ту обувь, в которой могу долго на ногах находиться. Иначе потом ночь не сплю от болей. Ничего не помогает — ни мази, ни припарки, — рассмеялся он.

Когда они вошли в здание, Лев Иванович обратил внимание, что Улямов идет так, словно у него не ноги, а протезы — ступал ими тяжело и широко. Но спрашивать, что с ногами, Гуров постеснялся.

В кабинете начальника шараповского угро Егора Арсеновича Алаутдинова сидели еще трое — двое мужчин в штатском и миловидная молодая женщина в форме следователя. Егора Арсеновича Гуров знал уже давно, познакомился с ним в Москве еще в самом начале своей службы в Главном управлении. Они тогда вместе с ним (Алаутдинов в то время был еще простым оперативником) расследовали одно убийство, связанное с наркотиками и с криминальной группировкой, и хорошо узнали друг друга, пока расследовали дело.

— Проходи, Лев Иванович, садись, знакомься. Это, — он кивнул на женщину, — наш следователь — Анна Ильинична Бубнич.

Женщина протянула Гурову руку и без тени улыбки на лице кивнула.

— А это подполковник Вересков Макар Иванович из Управления по борьбе с организованной преступностью и майор Арнольд Францевич Гейнц из ФСБ.

Седовласый, но еще моложавый подполковник привстал и поздоровался с Гуровым за руку, а Гейнц — мужчина средних лет, с небритым подбородком и угрюмым взглядом — поздоровался лишь кивком головы. Руку майор протягивать Гурову не стал, поэтому Лев Иванович решил, что он тоже делать этого не будет. Про себя же подумал, что фээсбэшник слишком много о себе мнит. Но потом уже, несколько позже, он узнал от Улямова, что Гейнц вообще никому не подает руки. У него бзик, а вернее, как сегодня модно это называть, — фобия: он боится микробов и заразы, которая может передаваться от других людей. Но эта странность не мешала майору быть одним из самых лучших в своей профессии.

— Скажу тебе честно, Лев Иванович, — посмотрел на Гурова Алаутдинов. — Это я просил Петра Николаевича прислать именно тебя. Так сказать, по старой памяти. Видел тебя в работе, знаю твою хватку и наслышан о твоём сыщицком чутье. Следил, знаешь ли, за тобой, следил...

Егор Арсенович замолчал, потер ладонью лоб, а потом спросил следователя:

— Анна Ильинична, введешь нашего помощника в курс дела?

— Введу.

Молодая женщина кивнула и, раскрыв папку, которая лежала перед ней, принялась рассказывать, изредка бросая взгляд то на один, то на другой документ, который брала в руки.

— Пока что у нас с информацией негусто. Убийство произошло позавчера на территории ликероводочного завода «Дионис», а если точнее, то в кабинете управляющего этим заводом — Игнатова Владимира Владимировича. Он, собственно, и был убит, — уточнила она. — По данным судмедэкспертизы, смерть наступила в результате смертельных ранений в область груди и головы. Если конкретно, то оба выстрела бы-

ли фатальны для жертвы. Второй выстрел — в голову — был уже и не нужен, и был произведен, скорее всего, как контрольный.

— Думаете, что убийство было заказным? — прервал Бубнич Алаутдинов. Вопрос он задал скорее не из-за того, что не знал ответа на него, а для того, чтобы Гурову была понятней ситуация.

— Вполне возможно, но наверняка мы этого еще не знаем, — ответила следователь и покосилась на губоповца. — Пока что у нас есть только две версии. О них — чуть позже. Опять же, по предварительным данным медэкспертов, смерть наступила в промежутке примерно с двадцати одного часа до двадцати двух часов. Хотя обнаружили тело только на следующее утро.

— Позавчера у нас была суббота, — заметил Лев Иванович. — Что, у этого Игнатова не было выходных, если он в субботний вечер находился на своем рабочем месте?

Бубнич недовольно нахмурилась, ей явно не понравилось, что ее перебили, но Гуров не стал извиняться. Ему нужно было видеть всю картинку сразу, а не дожидаться, когда Анна Ильинична даст нужные пояснения.

— По словам жены Игнатова, которую мы сразу же и опросили, он уехал в субботу вечером на завод на какую-то деловую встречу. Во всяком случае, именно так он сказал ей по телефону. Кстати, такой поздний его уход жену совсем не смутил. Она утверждает, что ее муж довольно часто встречался с деловыми партнерами и в будние, и в выходные дни именно по вечерам.

— Угу, понятно, — покивал Гуров. — И кто же его нашел утром в воскресенье? Контора-то ведь точно в этот день не работает.

— Утром, в воскресенье, когда жена вернулась от дочери, у которой она ночевала, она обнаружила, что мужа дома нет и, по всей видимости, он в квартире не ночевал. Тогда она стала ему звонить, но тот не откликнулся ни на ее звонки, ни на эсмэс-сообщения. Примерно в десять утра она позвонила дочери и все ей рассказала. Дочка посоветовала позвонить кому-нибудь из руководства завода и узнать, с кем отец